

— Что стряслось с молодым господином Сяо?

Сяо Хуа промолчал. Вместо него ответила Умэй:

— Молодой господин катался по льду на пруду и нечаянно упал.

— За лекарем уже послали? — заметив, что четверо слуг лишь растерянно переглядываются, Цзян Мэнчжэнь вздохнул и распорядился: — Цзянсян, ступай приведи лекаря.

Затем он спокойно и размеренно обратился к Ци Хэли:

— Иди сразу в Павильон Водной Луны, Биянь как раз должна закончить там уборку.

В горле Ци Хэли застрял ком. Он лишь глухо выдавил:

— Хм.

Цзян Мэнчжэнь ничего не добавил, и вся процессия направилась к Павильону Водной Луны.

Комнаты в павильоне были обставлены с изящным великолепием — убранство сплошь состояло из утвари поместья маркиза Цзянлин. Стоило Биянь увидеть, как Ци Хэли вносит на руках чужого юношу, её лицо мгновенно потемнело. А заметив следом Цзян Мэнчжэня, она едва сдержала желание наброситься на Ци Хэли и этого мальчишку и оттащить обоих за волосы!

Обниматься с кем попало в комнате, уставленной свадебным приданым законного супруга — что это за неслыханная наглость?! Действительно ли этот изнеженный юнец спас Ци Хэли жизнь? Или это просто смазливый наложник, которого приволокли в дом под благовидным предлогом?!

Закипая от злости, она велела слугам унести обратно в кладовую вещи, которые ещё не успели расставить. Вскоре в павильон пожаловали госпожа Ци и наложница Чжоу. Прослышав о переполохе, они явились быстрее любого лекаря, жаждая зрелищ.

— Надо же, только приехал — и уже умудрился расшибиться, — с тонким намёком произнесла госпожа Ци. — Осмотрите здесь всё хорошенько, вдруг на полу валяется то, обо что можно споткнуться.

Сяо Хуа, полулежа на постели, кротко улыбнулся ей и со смущенным видом ответил:

— Что вы, это я сам виноват, расшалился. Ничего страшного.

С этими словами он без малейшего стеснения стянул чулки, обнажив маленькие, изящные ступни. Слегка помассировав тонкую лодыжку, он посмотрел на Ци Хэли, сидевшего на краю кровати, и невинно произнес:

— Кость цела, просто подвернул ногу.

Сяо Хуа вырос в глуши, где не знали столичных приличий, и в силу юного возраста совершенно не ведал о скромности. Ци Хэли уже собирался отойти, чтобы не нарушать приличий, как вдруг Сяо Хуа вытянул ноги и бесстыдно водрузил босые ступни прямо ему на колени.

— Не так уж и больно, но ноги ужасно замёрзли. Брат Ци, согрей их поскорее.

Все застыли в немом изумлении. Подобная вольность граничила с откровенным соблазнением — приличные гяеры так себя не ведут! Биянь затряслась от гнева, однако ни одна из присутствующих старших женщин не проронила ни слова, чтобы осадить наглеца. Госпожа Ци сохраняла бесстрастное выражение лица, а наложница Чжоу и вовсе выглядела довольной. Им не было дела до репутации безродного мальчишки; они лишь выжидали, когда Цзян Мэнчжэнь сорвётся на упрёки, чтобы обвинить его в мелочности и неблагодарности к спасителю мужа.

— Молодой господин, ваши слова звучат в высшей степени неразумно, — не выдержала Биянь. Она с грохотом опустила жаровню с углями прямо у кровати. — Неужели вы думаете, что нашему второму молодому господину сейчас тепло?

— Я вовсе не это имел в виду... — Сяо Хуа густо покраснел и виновато забормотал, опустив голову: — Раньше... когда дедушка был жив, он зимой всегда так согревал мне ноги... А когда брат Ци лежал без сознания, я сам его обмывал. Что в этом такого?..

— Ваш дедушка, разумеется, жалел внука, а ранение второго молодого господина было делом чрезвычайным, когда приличиями пришлось пренебречь. Но теперь наш господин — благородный чиновник и законный зять знатного дома, его положение обязывает к строгому порядку, — Биянь, прикрыв ладонь платком, решительно сбросила босые ноги Сяо Хуа со своего господина обратно на постель и наглухо укутала их одеялом. — Для подобных услуг найдутся служанки. Так мы и правила дома соблюдём, и вашу честь убережём.

Её слова кололи острой иглой, обличая его неотёсанность и нескромность. Сяо Хуа был далеко не глуп и, уловив скрытый упрёк, мгновенно залился слезами.

— Я вырос в диких горах, — всхлипывая, заговорил он. — Я не знаю ваших правил и чести, и знать не хочу! Мне просто нужно, чтобы ко мне хоть кто-то относился по-человечески! В этом огромном мире у меня... у меня остался только брат Ци!

В его голосе звучала неподдельная горечь. Потерять всех родных и оказаться на чужбине — участь и впрямь заслуживающая лишь жалости. Однако порою даже жалость становится невидимым оружием для манипуляций. Не зря говорят: в каждом несчастном скрыта своя

червоточина.

Разумеется, Биянь больше не могла ничего возразить. Заметив это, наложница Чжоу ехидно протянула:

— И чего ты так разволновалась, девочка? Видать, в поместье маркиза правила столь суровы, что нам, простым людям, их вовек не постичь. Но Вторая молодая госпожа столь великодушна, что вряд ли станет устраивать сцены ревности из-за того, что супруг проявил каплю заботы к своему спасителю. Взгляните на сироту — несчастное дитя, да и только, что он понимает? Или это у тебя, милочка, помыслы зашли слишком далеко, и ты боишься, что кто-то перейдёт тебе дорогу к постели хозяина?

В споре с бесстыдным человеком порядочный всегда обречён на поражение. Биянь была незамужней девушкой, и грязные намёки наложницы Чжоу на то, что она метит в постель молодого барина, лишили её дара речи. Её грудь яростно вздымалась, а щёки пылали от негодования.

Наложница Чжоу, упиваясь собственной язвительностью, вдруг уловила мимолётную мысль и поспешила добавить:

— А коль так, почему бы прямо сейчас не попросить госпожу дать на то согласие? Оформим всё честь по чести. И тебе радость, и Второй молодой госпоже спокойствие.

— Кому тут радоваться... — начала было Биянь, но Цзян Мэнчжэнь мягко увлек её себе за спину.

Он ровным, прохладным голосом прервал наложницу:

— Тётушка-наложница, неужели вы держите на меня обиду? Смею вас заверить: все служанки в моих покоях со временем выйдут замуж с почётом и достоинством. Они верой и правдой служат мне, сохраняя своё доброе имя, и опускаться до роли наложниц им не придётся.

Лицо Биянь мгновенно прояснилось, сменяя гнев на искренний восторг. Она была готова преклонить колени перед мудростью своего господина! Каждое слово Цзян Мэнчжэня попало точно в цель. Он не только осадил наложницу Чжоу и тех, кто лелеял тайные надежды на тёплое местечко, но и тонко защитил достоинство госпожи Ци, которая терпеть не могла, когда её мужу или сыновьям подсовывали девиц для утех.

Госпожа Ци мгновенно уловила скрытый подтекст. Она холодно взглянула на наложницу Чжоу и процедила:

— Похоже, ты не его, а меня решила известить своими бреднями? Совсем разум потеряла! Всякую шваль норовишь в покои ко второму молодому господину пристроить, пока мы с отцом

живы-здоровы!

— Помилуйте, госпожа, и в мыслях не было! — испуганно вздрогнула наложница Чжоу.

К счастью, в этот момент Цзянсян привела лекаря, и все поспешили разойтись. Госпожа Ци высокомерно бросила на прощание: «Выздоровливай скорее», и удалилась. Наложница Чжоу, поймав на себе тяжелый, суровый взгляд Ци Хэли, тоже поспешила убраться восвояси.

В покоях остались лишь Ци Хэли и Цзян Мэнчжэнь.

Цзян Мэнчжэнь мягко посмотрел на супруга:

— Ты успел пообедать?

Ци Хэли покачал головой.

— Вернёмся в Павильон Притягивания Облаков и поедем вместе? — предложил Цзян Мэнчжэнь.

— Хорошо, только предупрежу Сяо Хуа.

— Боюсь, тогда ты отсюда уже не уйдёшь.

Не успели затихнуть его слова, как прибежала Хунго и взволнованно затараторила: лекарь собирается вправлять сустав, молодой господин страшно боится боли и истошно зовёт второго молодого господина.

— Что ж, я велю прислать обед сюда. Поешь здесь.

С этими словами Цзян Мэнчжэнь развернулся и ушел. Цзянсян вежливо поклонилась Ци Хэли на прощание, а Биянь даже не взглянула в его сторону — она и прежде недолюбливала зятя, а после грязных речей наложницы Чжоу и вовсе решила держаться от него как можно дальше.

После ужина у Цзян Мэнчжэня снова начался кашель. Дневной сон ненадолго принес облегчение, но холодный ветер на пруду сделал своё дело — простуда разыгралась не на шутку. Заметив лихорадочный румянец на его щёках, Биянь коснулась лба господина и, убедившись, что у того сильный жар, немедленно отправила слуг варить лекарство.

Цзян Мэнчжэнь утомлённо лежал на постели, из последних сил стараясь не уснуть до

возвращения мужа. Лишь поздно ночью Ци Хэли вернулся в Павильон Притягивания Облаков.

Приоткрыв тяжелые веки, Цзян Мэнчжэнь слабо улыбнулся:

— Я велел согреть воду... Ты проделал долгий путь, ступай сперва омойся.

Он услышал тихий ответ Ци Хэли. Прошло еще какое-то время, прежде чем горячее, словно жаровня, тело легло рядом. Цзян Мэнчжэнь бил озноб, и он в полузабытьи прижался к надежному теплому плечу.

Ци Хэли, от которого еще веяло прохладой и влагой после купания, на мгновение застыл. Лишь мгновение спустя его пальцы нежно коснулись холодных, шелковистых волос супруга, разметавшихся по подушке.

За окном бесновалась метель, а в шатре постели витал сладкий аромат гусиной груши. В этой редкой минуте тишины и покоя Цзян Мэнчжэнь немного пришел в себя. Он негромко, чуть хрипло произнес:

— Дай мне взглянуть на твои раны.

Ци Хэли прижал его к себе крепче:

— Спи. Не нужно смотреть.

— Хочу видеть, — Цзян Мэнчжэнь приподнялся на локте. — Где они? На спине?

— На спине шрамы остаются лишь у трусов, что бегут с поля боя.

— Тогда где же?

Тонкие пальцы Цзян Мэнчжэня принялись осторожно ощупывать его тело. Ци Хэли перехватил его изящную мягкую ладонь и прижал к своей груди.

Цзян Мэнчжэнь осторожно раздвинул края его рубахи и замер от ужаса. Поперек груди тянулся уродливый багрово-бурый рубец — от левого плеча до самых правых ребер. Трудно было даже представить, насколько смертоносным был этот удар.

Прохладные кончики пальцев робко коснулись страшного шрама, вызывая у Ци Хэли сладостную дрожь в самом сердце. Его дыхание перехватило. Накрыв ладонь супруга своей, он глухо вымолвил:

— Довольно, не надо.

Цзян Мэнчжэнь тихо выдохнул и прильнул к его груди, прикрыв глаза. Спустя долгие минуты молчания он с глубоким вздохом прошептал:

— Мин-гэер, не сердись больше на меня...

Ци Хэли смотрел на полог кровати, плотно сжав губы. Его суровое сердце в этот миг растаяло, словно весенний лед. Полгода назад, уходя на войну в порыве слепой ярости и обиды, он желал лишь одного — сгинуть на чужбине, только бы больше никогда не видеть Цзян Мэнчжэня. Когда он сорвался в ущелье и едва не испустил дух, в его мыслях билось малодушное желание навсегда оборвать все нити с прошлым.

Будда учил, что человеческая душа отравлена пятью ядами: алчностью, гневом, глупостью, гордыней и сомнением. Ци Хэли казалось, что он собрал их все, оттого и тонул в бескрайнем океане скорби. До возвращения домой его душу терзали гнев и горькие думы. Но теперь, когда в его объятиях покоилось это хрупкое, благоуханное создание, все обиды испарились. Ци Хэли чувствовал себя диким котом, которого ласково погладили по шерсти; ему хотелось лишь укутать супруга потеплее и уснуть, забыв обо всех невзгодах мира.

Ци Хэли прикрыл глаза и слегка повернул голову, коснувшись губами макушки мужа и вдыхая знакомый, до боли родной аромат волос. В глухой ночной тишине все суетные мысли утихли, и убаюканный мерным дыханием Цзян Мэнчжэня, он провалился в сон своего далекого отрочества...

— Молодой господин Цзян приехал! Говорят, его паланкин уже у ворот!

— Какой еще молодой господин Цзян?

— Да сколько у нас их! — служанка, приплясывая от нетерпения, затараторила: — Единственный сын маркиза Цзянлин, младший брат нашей новой княгини Цзинь, племянник госпожи и двоюродный брат старшего молодого господина!

Мальчишка с размалеванным под обезьяну лицом подскочил к ней:

— Так это один человек или сразу четверо?

— Ах ты, глупый чурбан! — девчушка шутливо щелкнула его по лбу и прыснула: — То-то тебе доверяют лишь безмолвных стражников играть, пока другие главные роли получают!

Ци Хэли, устав от беготни, дремал в тени цветущего персика. Из Обители Нефритового Шэна доносились звонкие, протяжные напевы молодых актеров, репетирующих любовную драму. Строки пьесы сливались для него в невнятный, усыпляющий гул.

— Мин-гэер, проснись, ну же, вставай!

Сяо Шитоу, молодой исполнитель ролей воинов, был его лучшим другом. Они частенько возились и дрались без чинов, и мальчишка ничуть не робел перед барским сыном.

— Идем со мной, там такое показывают!

Сяо Шитоу потащил заспанного Ци Хэли по узкому переулку, на ходу бубня:

— Если побежим к главным воротам, ничего не увидим, толпа растопчет. Но я знаю одно заветное местечко. Сперва я подсажу тебя на плечи, а потом ты меня...

Они подбежали к высокой стене двора. Сяо Шитоу нетерпеливо скомандовал:

— Лезь скорее! Видно кого? Идут?

Ци Хэли лениво зевнул и пробормотал:

— Да тут даже кошки приличной нет, на что смотреть-то?

— Да не может быть, чтобы они по другой дороге пошли...

Не успел он договорить, как из-за поворота показалась пышная процессия. Шелк и драгоценности слепили глаза в лучах полуденного солнца. В ту же секунду в Обители Нефритового Шэна вновь зазвучали флейты, начиная новую главу:

«Весенний ветер ласкает тропы,

Множатся в мире дивные встречи.

За узорчатой оградой сада

Вдруг промелькнул небожитель...»

«— Молодой господин, на что же вы так пристально смотрите?»

— Мин-гэер, Мин-гэер, ну что там? Увидел? — шепотом допытывался снизу Сяо Шитоу.

«— Я? Я люблюсь сошедшим на землю божеством!»

В окружении многочисленных слуг и нянек шел юноша в нежно-желтом весеннем халате. Он казался тонким месяцем среди тусклых звезд. На его рукавах и подоле покачивались вышитые бабочки и цветы; а может, то были живые бабочки, привлеченные его неземной чистотой и кружившие над ним в безмолвном танце.

Голоса слуг и нетерпеливые возгласы Сяо Шитоу заглушил нежный мотив оперы. Ци Хэли застыл, словно захмелев от теплого весеннего ветра. Маленькая служанка в лазурном платье, прикрыв рот ладонью, что-то шепнула своему господину, и прекрасный юноша медленно поднял взгляд к стене.

Их глаза встретились.

Ци Хэли словно током прошило, по телу побежали мурашки. Черты лица незнакомца проступили с поразительной ясностью, а слова старинной пьесы, прежде казавшиеся бессмысленными, вдруг обрели глубокую, пронзительную суть:

«Взгляни на его облачные локоны и нефритовую кожу.

Лицо его — распустившийся цветок, глаза — ясные звезды.

Верно, он сошел из чертогов бессмертных,

Ибо нет в поднебесной подобной земной красы...»

Прекрасный юноша подарил ему мимолетную улыбку и, не замедляя шага, прошел мимо. Лишь сделав несколько шагов, он вновь обернулся и тепло улыбнулся на прощание, прежде чем скрыться за поворотом.

У Ци Хэли перехватило дыхание, душа его словно улетела вслед за прекрасным видением. Он завороченно смотрел на опустевшую тропинку, не в силах шевельнуться. Сяо Шитоу звал его, дергал за край одежды, но Ци Хэли не реагировал. Наконец потеряв терпение, друг дернул его за ногу, и они оба покатались на траву.

Ци Хэли сидел на земле, отрешенно глядя перед собой, а с театральных подмостков доносилось:

«Ты даришь ему нежный взгляд,

Но обратит ли он взор на тебя?»

«Глаза их встретились, и в сердцах зажглась искра.

Отныне обоим суждено томиться в сладкой тоске...»

— Ты что, совсем умом тронулся от падения? — Сяо Шитоу испуганно кружил вокруг него. — Вот беда, если наложница Чжоу узнает, она с меня шкуру спустит!

Ци Хэли вдруг глупо усмехнулся и тихо спросил:

— Слушай... как думаешь, почему он посмотрел на меня и улыбнулся?

Сяо Шитоу удивленно воззрился на него, а затем покатился со смеху. Он подтащил Ци Хэли к зеркалу гримерной и ткнул пальцем в отражение:

— Да ты на себя глянь! Как тут не рассмеяться?

Оказалось, пока Ци Хэли спал под деревом, озорные актеры разрисовали его лицо театральными красками, превратив в нелепую обезьяну. Сяо Шитоу заливался смехом, держась за живот. С диким криком Ци Хэли вскочил, в ярости разбил тяжелое зеркало в щепки и с кулаками набросился на друга.

— Да что с тобой? Мы же всегда так шутили, чего ты взъелся?!

То был первый раз, когда Ци Хэли познал робкую, мучительную горечь первой любви. Слезы потекли по его щекам, смывая разноцветный грим и превращая детское лицо в грязное месиво — точь-в-точь как в его душе, где внезапно распустился бутон неведомой, щемящей тоски, которую он отныне не мог ни выразить словами, ни избыть.

<http://bllate.org/book/19598/2002396>